

Ася Лавруша

Ася Лавруша
Сон. Cantus Firmus

«Автор»

2014

Лавруша А.

Сон. Cantus Firmus / А. Лавруша — «Автор», 2014

Тонкая, пронизанная аллюзиями литературная фантазия раскрывает историю создания одного из самых известных музыкальных произведений – «Адажио Альбиниони». Реконструированное, как считается, в двадцатом веке итальянским музыковедом Ремо Джадзотто по нескольким фрагментам из опусов венецианского композитора и скрипача эпохи барокко Томазо Альбиниони, «Адажио» до сих пор представляет собой загадку. Неизвестно подлинное имя его создателя и необъяснимо удивительное воздействие, которое эта музыка оказывает на сердца людей. Книга заставляет задуматься о незримых, но прочных связях древних глубинных сил природы и волшебного искусства сочинения мелодий, рождающихся в человеческой душе, помогает приблизиться к тайнам, которые отличают творчество от будничного ремесла. Ася Лавруша – филолог, переводчик со шведского и английского, автор сборника малой прозы «Шведский стол», Лимбус пресс, 2003 и повести «Софико», журнал "Дружба народов", 9/2007. Книга рассчитана на широкий круг ценителей музыки, загадочных историй и хорошего русского языка. Без возрастных ограничений.

© Лавруша А., 2014

© Автор, 2014

Ася Лавруша

Сон. Cantus Firmus

© Ася Лавруша, текст, 2014

© Е. В. Чекалина, илл., 2014

© А. А. Веселов, макет, 2014

* * *

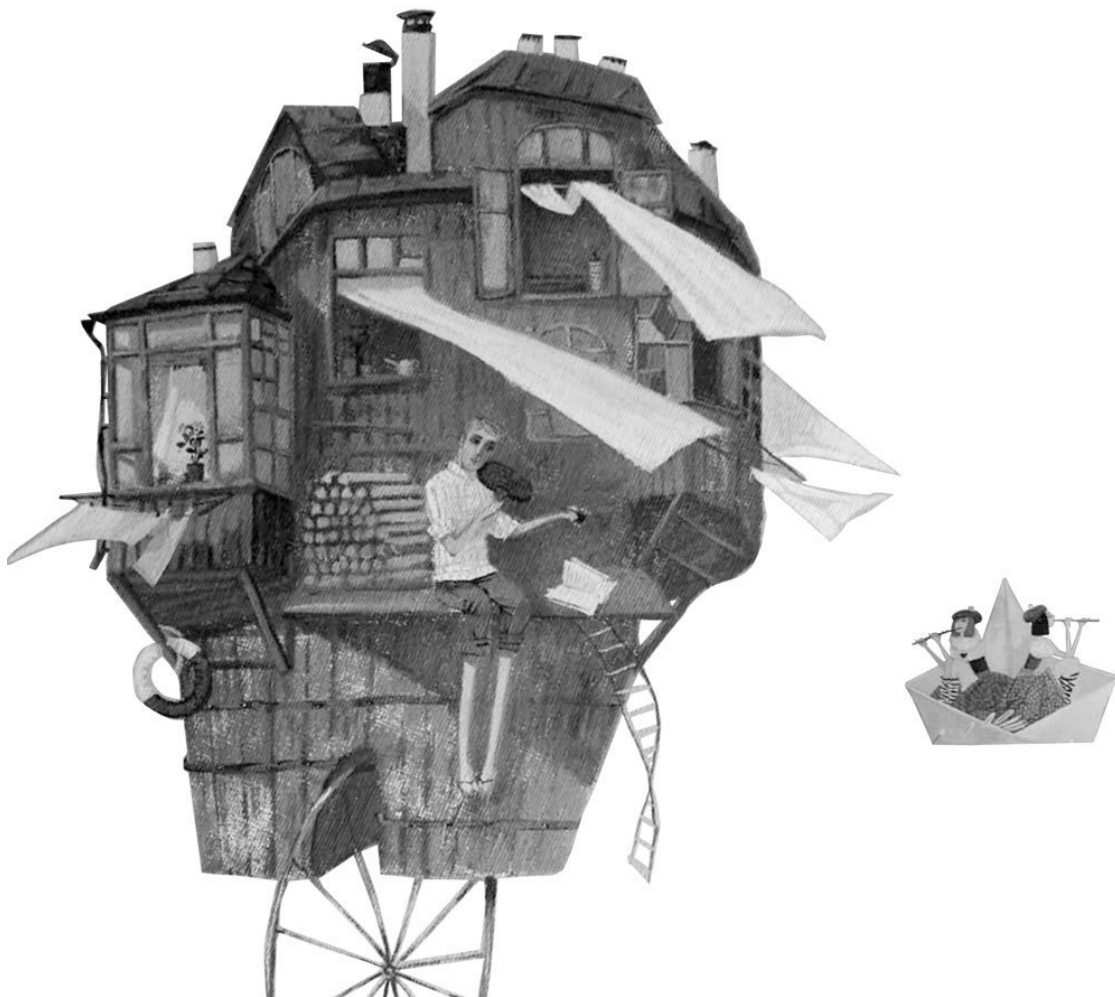
* * *

Адажио соль минор для струнных инструментов и органа, известное как Адажио Альбинони, – произведение Ремо Джадзотто, впервые опубликовано в 1958 году. По утверждению Джадзотто, пьеса представляет собой реконструкцию, основанную на фрагменте из музыки Томазо Альбинони, найденном на развалинах разрушенной при налётах союзной авиации в конце Второй мировой войны Саксонской земельной библиотеки в Дрездене. Ремо Джадзотто опубликовал в 1945 году первую научную биографию Альбинони, в 1720-е годы. работавшего в Германии. Найденный фрагмент, согласно предисловию Джадзотто к первому изданию Адажио, содержал басовую партию и два фрагмента партии первой скрипки общей продолжительностью шесть тактов. Первая публикация пьесы целиком была озаглавлена: Ремо Джадзотто.

Адажио соль минор для струнных и органа на основе двух фрагментов темы и цифрованного баса Томазо Альбини...

Википедия
Свободная энциклопедия

* * *

Томас Альби появился на свет в последнем плавающем доме.

К моменту его рождения ювенильная вода уже давно научила людей разговаривать, и они говорили без усталости, отводясь на напряжённые паузы, только когда обученные перелётными птицами летописцы оглашали свежие протоколы важных разговоров – то есть таких, которые вызывали у людей чувство, будто им удалось договориться. Впрочем, пока протокол зачитывали, это чувство всегда слабело, и заключительные подробности документа – «время», «место», «печати» и «подписи» – чаще всего тонули в новом всплеске устной речи.

Достижения того времени уже позволили отказаться от узелкового письма, жезлов вестников, насечек на камне и свинце, оттисков на воске и прочих трудоёмких технологий. В распоряжении хронистов были удобные писчие принадлежности: бумага и перья, так что по сравнению с эпохой расцвета плавающих домов работало им намного легче. Впрочем, цех летописцев всегда отличался истерическим трудолюбием, и теперь, когда для составления протокола требовалось намного меньше времени и усилий, письмоводители работали днём и ночью, стараясь не пропустить ни одного важного разговора, что, в целом, заслуживало одобрения. Но от чрезмерного усердия острота их слуха снижалась, и на бумагу часто попадали абсолютно безнадёжные беседы, в лабиринтах которых легко теряли друг друга даже близкие люди. К тому же немилосердно эксплуатируемые перья от усталости роняли лишние знаки препинания – и неожиданные точки и запятые искажали смысл и без того дремучих разговоров. Такие протоколы никто не слушал молча – люди волновались, протестовали, спорили друг с другом и с писцами. Последние же, раздражённо прерывая декламацию, ссылались на разность восприятия и отсутствие правил отбора важных разговоров. Вся эта суета поднимала сильный ветер. Главный архив – самый лёгкий из плавающих домов, начинал раскачиваться, и шелест страниц хранившихся в нём документов отражал разноголосый спор, словно эхо. В таком шуме нельзя было слышать даже собственные слова – не говоря уж о том, чтобы уловить тихое звучание ювенильной воды. Последнее становилось опасным.

Когда-то давно вода Ювенильного моря научила людей разговаривать, и с тех пор она с ненавязчивой опекой сопровождала все людские беседы. Но даже при спокойном течении разговора её голос различали немногие. Если же разговор набирал мощь, при которой его участники теряли нити собственных речей и лишь набрасывались друг на друга с оглушающими восклицаниями, – в такой ситуации голос ювенильной воды слышали единицы. Тот, кому это удавалось, получал шанс стать героем, поскольку вода всегда помогала спасти беседу – подобрать верный интервал из большого кварто-квинтового круга, элементарные созвучия которого позволяли плавно сменить тональность разговора на родственную – ту, где ещё не успело образоваться такое катастрофическое число *противо-речий*.

Впрочем, помимо чуткого слуха, для этого требовался ещё и сильный голос – чтобы перекричать многоголосую массу, а людей, обладающих двумя этими талантами одновременно, становилось всё меньше и меньше...

Раньше, когда основным видом жилища были плавающие дома и люди ещё не разговаривали так много, к ювенильным созвучиям прислушивались все. Однако, чем успешнее люди овладевали беглой речью, тем реже они делали паузы, а их внимание всё больше сосредоточивалось на собственных словах или, в крайнем случае, на словах ближайшего собеседника. К тому же, однажды выяснилось, что, помимо Ювенильного моря, существует огромное количество пресных водоёмов, которые, конечно, не так глубоки и величественны, но зато и не так опасны. На землях вблизи несолёных рек и озёр, как оказалось, можно было выращивать пшеницу, овёс или просо – что позволяло хоть немного предугадывать будущее и, следовательно, меньше его бояться. и люди начали держаться поближе к пресной воде. они потихоньку распахивали ближайшую сушу и один за другим вытаскивали на берег свои плавающие дома. По мере того, как хозяева привыкали к оседлости, дома просаживались, трюмы превращались в погреб, а воспоминания о распахнутых морских горизонтах узловатыми корнями уходили вглубь земли, ещё крепче привязывая людей к точному адресу.

Тот, кому в очередной год удавалось собрать особенно богатый урожай, облицовывал стены своего некогда быстроходного жилища чёрным песчаником, красным гранитом или белым мрамором, что окончательно превращало дом в недвижимость. Да и сами люди со временем стали тяжелы на подъём, чему немало способствовала замена в рационе прежних водорослей на разнообразные злаки.

Звание героя теперь присуждали не только за выведение людей – с подсказки ювенильной воды – из тупикового разговора, но и за целый ряд других заслуг. К примеру, за особую торговую оборотистость, за возведение самой высокой стены, за выдающиеся показатели урожайности, но чаще всего – за мужество и героизм, проявленные при боевых действиях, с помощью которых теперь нередко завершались экстремальные виды человеческого общения. Точнее, если честно, то в списке претендентов на получение геройского звания имя человека, спасшего разговор с помощью ювенильной гармонии, стояло бы последним. оседлые вообще постепенно укреплялись во мнении, что тот, кто продолжает искать в море правду и обитает в плавающем доме, как бы не вполне нормален, не совсем здоров. и глаза у него блестят, как у горячечного, и худ не в меру, и одевается не по уставу – давно уж решено, что приличный человек обязан иметь на теле несколько слоёв одежды, а «плавающий» завернётся в кусок случайного полотна и всё.

Впрочем, каждое появление плавающего дома неизменно вызывало в душах у оседлых звук, похожий на разъезжающееся между тревогой и радостью вибрато скрипки-восьмушки, на которой трёхлетний ребёнок только-только приступил к тренировке различных способов звукоизвлечения. При виде настоящего плавающего дома люди останавливались, даже если ещё мгновение назад спешили по делам чрезвычайной важности. ими вдруг овладевали странные эмоции, они чувствовали себя обманутыми, им казалось, что существование у засеянного

поля, на краю которого вкопана в землю их собственность – это ловушка, чьи стены выстроены из обстоятельств уже непреодолимой силы. и что где-то вне этих стен бьётся разноликая, полноводная и вешняя – другая, реальная жизнь...

Впрочем, до тяжёлой паники общественное сознание не доходило никогда, потому что поблизости неизменно появлялся медиа-стратиг из новых. он убедительно объяснял, что плавающий дом – это всего лишь мимолётное развлечение, забава на досуге, художественный образ... и ни в коем случае не образ жизни. А образ жизни должен быть исключительно таким, какой прививают в этом поселении его радетьельные отцы – поскольку это единственный образ жизни, позволяющий обществу идти в ногу со временем...

Плавающий дом Альби от времени отстал.

* * *

Томас был единственным сыном в семье, которая никогда не нарушала традиции жизни на воде, поэтому они и стали последним плавающим домом. В море, кроме них, продолжали жить и другие люди, но их жилища были давно переиначены, что позволяло хозяевам использовать их для нужд общества: первые, к примеру, перевозили из одного населённого пункта в другой картофельные клубни, вторые – драгоценные камни, третьи охраняли береговые линии, четвёртые снабжали оседлых рыбой, пятые – морской капустой. Но поскольку внутри таких жилищ постоянно находились товары, оборудование или вооружение, которые хозяевам не принадлежали, – эти плавсредства больше нельзя было считать настоящими домами.

Только дом, в котором родился Томас, сохранял независимость от поселенческих сообществ и полностью соответствовал представлениям о плавучем жилище, каким оно было до эпохи великого переселения народов на твёрдую землю.

В те времена дом-корабль строили так, чтобы его нос и корма по форме напоминали волны. Нос дома Альби был в виде «волны-кобры» – это символизировало уверенность в освоении пространства. А широкая корма напоминала «волну-овечку», что должно было задобрить своенравное море. В его глубинах время от времени образовывались потоки ярости, поднимающие на поверхность тяжёлую донную воду. Чаще всего донная вода играла в те дни, когда луна без лакун наполнялась молоком. Но иногда буря приходила совершенно неожиданно, и тем, кого она застигала в открытом море, оставалось надеяться лишь на то, что им удастся поймать вектор морского безумия, что они выдержат эпическую качку и не захлебнутся горем.

На прибрежном мелководье, где для разгула тяжёлой воды не доставало места, буря считалась не такой опасной, но трагедии случались и здесь. Родители рассказывали Томасу, как пять с половиной поколений тому назад одиннадцатая судорога шторма выбросила один плавающий дом к небольшой бухте. Судьбообразующий и переломный девятый вал уже минул, и, хотя эхо недавнего страха ещё раскачивало дом из стороны в сторону, но обитавшие там мужчина, женщина и трое детей уже понимали, что спасены, улыбались друг другу и благодарили море за милость. А бухта, к которой их прибило, выглядела так, словно море подарило им её, оценив их мужество: лента белого песка у синей горы, восточный склон которой по просьбе одного поэта был увит густым остролистным плющом; бахромчатые красные тучи в лиловом небе и мироточившее сквозь тучи солнце... и невольно залюбовавшись палитрой, обитатели плавучего дома не заметили приближения последней волны. По силе она была уже не штормовой, а почти обычной – от такой волны в открытом море корабль лишь слегка встряхнуло бы. Но маленькая нарядная гавань оказалась губельно тесной даже для отголосков большого эпоса. Плеснув на берег, тяжёлая волна подняла дом на гребень и бросила на скалу. люди погибли мгновенно, а осколки жилища разлетелись вместе с брызгами, и у берега ещё долго качались мельчайшие острые воспоминания, из которых можно было собрать мудрёный пазл «овечка».

Пять с половиной поколений назад «овечка» была едва ли не самым любимым лекалом у корабелов, и из-за многократного повторения охранная сила этого символа начала, по-видимому, слабеть. После несчастья у синей скалы многие плавающие дома захотели перестроить корму. Альби тоже поддались общему порыву. На семейном совете было решено заменить «овечку» на плавную «озёрную волну» – символ побеждённой страсти, но тут, по преданию, тогдашнему главе рода (его, к слову, тоже звали Томас) случайно попала модная в те времена повесть «Фаталист» – и, пока он её читал, отзвучало одиннадцатое эхо и исчез последний из одиннадцати кругов на воде, в которые превратилась память о недавней катастрофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.